ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 35 Пятница, 13 (26) сентября 1902 г. № 35

Первый русскій врачъ.

(Къ рисунку А. А. Карелина).

Сынъ дьяка Посольскаго приказа, Петръ Васильевичъ Постниковъ, докторъ медицины и философіи падуанскаго университета, въ исторіи русской медицины считается „первымъ русскимъ докторомъ". Но докторскую степень нѣкоторые русскіе, родившіеся, жившіе и дѣйствовавшіе за предѣлами тогдашняго Русскаго государства, получали и ранѣе. Послѣ значительнаго числа докторовъ-иностранцевъ, наводнявшихъ Россію съ княженія Іоанна III, и многихъ русскихъ, учившихся у заѣзжихъ врачей, чтобы быть „алхимистами" (т. е. аптекарями), костоправами, рудометами, лѣкарями гортаннаго, чепучиннаго, чечуйнаго и т. п. дѣла, П. В. Постниковъ былъ, несомнѣнно, первымъ русскимъ докторомъ, поработавшимъ на пользу родины. Въ 1694 году 7-го (19) августа въ торжественномъ собраніи Падуанскаго университета Постниковъ не только былъ признанъ докторомъ медицины и философіи, но даже былъ уполномоченъ преподавать эти науки и удостоивать ученыхъ степеней. Получивъ дипломъ въ 1695 году, Постниковъ не прекратилъ своего дальнѣйшаго образованія: „для вышеименованныхъ свободныхъ наукъ былъ онъ въ разныхъ окрестныхъ государствахъ"

Значеніе Постникова въ исторіи не отраничивается его медицинской дѣятельностью: — Постниковъ былъ первымъ русскимъ агентомъ при французскомъ дворѣ, ученые французскіе доктора считали Москву стоящей, чуть ли, не „на краю свѣта", и „діаволъ ихъ знаетъ, — доноситъ о нихъ Постниковъ, — что говорятъ... о Россіи".

Владѣя, кромѣ русскаго, греческимъ, латинскимъ, итальянскимъ и французскимъ языками, нашъ первый докторъ былъ весьма полезнымъ дипломатическимъ дѣятелемъ: онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ переводчика къ русскому великому посольству Лефорта, Головина, Возницына и къ свитѣ Петра Великаго, посѣтившаго Францію; изъ Франціи онъ выслалъ первый русскій транспортъ аптекарскихъ предметовъ черезъ Архангельскій портъ въ Россію. Стрѣлецкій бунтъ отвлекъ Петра изъ Франціи въ Москву. Въ то время посольство находилось въ Вѣнѣ, а переводчикъ-докторъ отправился въ Венецію. Возницынъ, оставшись безъ „языка", затребовалъ Постникова обратно, пославъ ему строгое письмо: — „Живыхъ собакъ мертвить, а мертвыхъ живить — сіе дѣло не гораздо намъ нужно... возвращайся немедля". Волей-неволей пришлось бросить начало врачебно-педагогической дѣятельности и возвращаться къ занятіямъ уже чисто-дипломатическаго характера. Въ Вѣнѣ Постниковъ дѣятельно помогалъ Возницыну на Карловичскомъ конгрессѣ, гдѣ было заключено перемиріе съ Турціей. Съ послами цесарскимъ, турецкимъ, польскимъ, венеціанскимъ, голландскимъ и англійскимъ онъ непосредственно велъ переговоры, выполняя порученія русскаго полномоченнаго посла. Отсюда онъ уѣхалъ въ Амстердамъ, побывалъ затѣмъ въ Англіи, Франціи и др. государствахъ. Въ Англіи онъ, между прочимъ, нанималъ мастеровъ на царскую службу. Проживъ заграницей девять лѣтъ, Постниковъ возвратился въ Москву и въ началѣ 1701 года представилъ свой дипломъ, на основаніи котораго былъ записанъ въ доктора, на годовомъ жалованьи въ 500 рублей, но съ обязанностью переводить „въ посольскомъ приказѣ, какъ случатся латинскія, французскія и итальянскія письма".

Петръ Васильевичъ Постниковъ,
первый русскій врачъ.
Оригинальный рисунокъ для „Огонька" художника А. А. Карелина.
Автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Враждебное отношеніе къ Постникову медицинскаго кружка, во главѣ котораго стояли иностранцы, — а низшія должности занимали малообразованные русскіе, — не могли укрѣпить его положенія, какъ медика, и осенью того же 1701 года онъ получилъ назначеніе въ Парижъ на должность неофиціальнаго агента „для сообщенія о тамошнихъ поведеніяхъ". Во

Франціи онъ прожилъ около 9 лѣтъ въ очень трудныхъ условіяхъ. Постниковъ убѣдился въ полномъ незнаніи французами Россіи. „Здѣшній дворъ - писалъ Постниковъ изъ Парижа — зѣло противенъ намъ". Отношенія межу Россіей и Франціей не шли далѣе выраженія нѣкоторыхъ дипломатическихъ любезностей и ничего не значащихъ обѣщаній. Напрасно Постниковъ ожидалъ изъ Москвы грамотъ и шифра, которые, хотя неоднократно для него и заготовлялись, но оставались въ посольской канцеляріи. Безъ грамотъ, постоянно терпя недостатокъ въ деньгахъ, нашъ агентъ безъ офиціальныхъ полномочій жилъ подъ опасеніемъ укора чуть ли не въ самозванствѣ, въ силу чего не могъ проникать въ тайны высшей дипломатіи. Постниковъ дѣятельно писалъ „сообщенія о тамошнихъ поведеніяхъ", и понимая важность ознакомленія парижскаго двора и французовъ съ текущими дѣлами въ Россіи, въ особенности съ дѣлами объ успѣхахъ на войнѣ, въ кораблестроеніи, въ улучшеніи правленія и т. п. просилъ посольскій приказъ о высылкѣ ему соотвѣтственныхъ вѣдомостей. Эти извѣстія онъ переводилъ на французскій языкъ и передавалъ ихъ министру иностранныхъ дѣлъ, который представлялъ ихъ королю Людовику XIV.

Дать почувствовать возрастающую силу Россіи и желаніе Государя установить съ Франціей отношенія къ пользѣ обоихъ государствъ—вотъ главныя задачи, которыя преслѣдовалъ Постниковъ. Несомнѣнно, онъ былъ первый активный дѣятель на почвѣ франко-русскаго сближенія. Всѣ предшествовавшіе Постникову послы не могли внушить французамъ ни уваженія къ русскимъ, ни интереса къ Россіи. Франція до воцаренія Петра I не обращала почти никакого вниманія на Россію, если не считать неудавшагося торговаго посольства Дегэ-де-Курменъ въ 1629 г. и посольства, предлагавшаго посредничество Франціи въ войнѣ между Россіей и Швеціей, Деминьера.

Прогремѣвшая въ Европѣ Полтавская побѣда обратила серьезное вниманіе на Петра и Россію и въ отдаленныхъ западныхъ государствахъ. Французскій дворъ сталъ интересоваться родиной Постникова. Казалось, что наступалъ моментъ къ перемѣнѣ судьбы нашего агента. Русскій канцлеръ графъ Головкинъ увѣдомилъ Постникова, что Государь рѣшилъ назначить его резидентомъ при французскомъ дворѣ, но откладываетъ офиціальное назначеніе до выясненія вопроса, въ какой мѣрѣ король хочетъ царской дружбы и союза. Пока Постниковъ выпытывалъ у министровъ о дѣйствительномъ намѣреніи и настроеніи короля и уже мечталъ, что наконецъ онъ „станетъ въ положеніе равноправнаго члена дипломатическаго корпуса", неожиданно состоялось назначеніе на постъ французскаго посланника полковника Крона.

Постниковъ принужденъ былъ вернуться въ Россію, гдѣ до самой смерти занимался переводами иностранныхъ книгъ на русскій языкъ и докторской практикой. Изъ его переводовъ извѣстна книга Брикфорта — „О послѣхъ (послахъ), министрахъ чужестранныхъ и о должности дѣлъ, и что есть посолъ, и честь его". Жизнь и дѣятельность перваго нашего доктора совпала съ такимъ временемъ, когда число подготовленныхъ людей было слишкомъ незначительно сравнительно съ массой открывавшихся дѣлъ. Сотрудникамъ Петра Великаго часто приходилось заниматься совершенно новыми дѣлами не ихъ спеціальности, особенно когда ощущался недостатокъ въ дѣятельныхъ людяхъ. Постниковъ отличался благороднымъ, безкорыстнымъ служеніемъ дѣлу.

А. К.

Новости французской беллетристики.

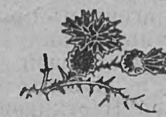
Вилли, Буалеспо, Жарри, Дюмурэ, Дельбукэ и Леметръ—таковы имена новичковъ, отмѣченныхъ парижской критикой въ качествѣ „успѣвающихъ". Всѣ они беллетристы. Иные, впрочемъ, не въ тѣсномъ смыслѣ новички: они успѣли попробовать силы въ разныхъ театрахъ, но не были оцѣнены или мало замѣчены; зато счастье улыбнулось имъ, какъ романистамъ. Вилли написалъ три книги: „Клодина въ школѣ", „Клодина въ Парижѣ" и „Клодина замужемъ". По заглавіямъ не трудно догадаться о содержаніи трехъ книгъ: Клодина—французская Мимочка—растетъ передъ читателемъ, изъ личинки обращается въ бабочку, притомъ очень пеструю, пробуетъ летать по Парижу, слегка обжигается объ его огни, и наконецъ, находитъ себѣ мужа. Продуктъ своей эпохи и страны,—Клодина достаточно невѣжествена и вздорна, enfant terrible въ семьѣ своей, но отъ природы добра, чувствительна и чувственна—словомъ, хорошенькій звѣрекъ, котораго легко приручить. Супругъ старше ея всего лишь на четверть вѣка. Это бы еще не бѣда, но онъ, къ тому же, виверъ, и розы Гименея не такъ для него соблазнительны, какъ цвѣточки, срываемые на свободѣ—среди полусвѣта.. Отсюда, конечно, маленькая драма-дневникъ, ревность, уязвленное самолюбіе и пр.,—разрывъ между супругами и финалъ въ совершенно парижскомъ вкусѣ.

Въ романахъ Вилли мы находимъ сравнительно мало выраженный парнографическій элементъ, столь излюбленный парижскими бульварными и салонными сочинителями, въ родѣ Пьера Луйсъ въ его „Aventures du Roi Pansole" и „Idylle saptigne". Повидимому, Вилли задался цѣлью воскресить пикантный стиль восемнадцатаго столѣтія, изгнаннаго романтизма, а позже натурализма. Къ такому же направленію можно причислить и Ренэ Буалеспо. Его послѣдняя новѣйшая манера письма тѣмъ болѣе характерна, что въ прежнихъ произведеніяхъ онъ былъ ея совершенно чуждъ. Въ „Mademoiselle Cloque" и „La Buquée" Буалеспо описываетъ характерныя стороны провинціальнаго быта, и въ очень темныхъ краскахъ. „Урокъ любви въ паркѣ" („La leçon d'amour dans un parc")—картинка во вкусѣ Ватто: посреди элегантной толпы дамъ въ пудрѣ, мужчинъ во фракахъ и чулкахъ, маленькая дѣвочка съ куклой воспринимаетъ позволительное и непозволительное, разсуждаетъ и приходитъ къ выводамъ, составляющимъ, пожалуй, трагическій контрастъ съ игривостью среды, которая окружаетъ дитя.

Совершенно иной характеръ носитъ послѣднее произведеніе Альфреда Жарри: „Le Surmâle". Подъ легкомысленнымъ соусомъ, авторъ подноситъ публикѣ разсужденіе объ электричествѣ, автомобиляхъ, ницшеанствѣ и пр. Много стилистической тонкости и очень скудное содержаніе.

Пріятное отдохновеніе отъ литературныхъ кунстштюковъ можетъ дать читателю романъ Луи Дюмурэ „Un Coco de génie". Это прежде всего юмористическое бытописаніе провинціи, съ новыми интересными деталями. Въ основаніе разсказа положена гипотеза, остроумная, но едва ли представляющая научную цѣнность. Герой романа—молодой человѣкъ, подверженный сомнамбулизму. Днемъ онъ усердно трудится въ конторѣ отца, торгующаго сѣменами, а ночью, забравшись на чердакъ сосѣдняго дома, при свѣтѣ свѣчи или луны, читаетъ и разучиваетъ Шекспира, Расина, Виктора Гюго и Флобера. Очнувшись отъ болѣзненнаго припадка, онъ записываетъ выученное и совершенно искренно вѣритъ въ то, что пишетъ оригинальные стихи, владѣя тайной вдохновеннаго творчества. Въ городкѣ Дорзи, гдѣ живетъ своеобразный геній, никто не подозрѣваетъ обмана. Но вотъ заѣзжаетъ туда парижанинъ и въ единственномъ „салонѣ" Дорзи онъ слышитъ декламацію Шарля Лоридена—такъ зовутъ лунатика:—поэтъ воспѣваетъ геройство буровъ; публику это мало трогаетъ, и только дочь хозяина пламенѣетъ чувствомъ искренняго благоговѣнія передъ стихотворцемъ. Парижанинъ тоже не слишкомъ силенъ въ поэзіи, но тѣмъ не менѣе онъ почти увѣренъ въ томъ, что уже читалъ или слышалъ нѣчто подобное. „Кто авторъ?" спрашиваетъ онъ сосѣда. „Да это и есть самъ авторъ; стихи достаточно плохи, чтобъ не догадаться", слѣдуетъ отвѣтъ. Однако, парижанину удается, наконецъ, возстановить въ памяти школьные зады, и онъ убѣждается въ безспорномъ тождествѣ „бурскихъ" стиховъ съ поэзіей В. Гюга. Не желая разстраивать счастье молодыхъ людей, онъ не выдаетъ своего открытія, и Шарль Лориденъ безпрепятственно женится на любимой дѣвушкѣ, въ альбомъ которой онъ списалъ всѣ лучшія произведенія Гюго и Ламертина. Во время одного ночного странствованія Лорэнъ—въ школѣ ему дали кличку „Coco de génie"—поджигаетъ домъ сосѣда и вся библіотека гибнетъ въ пламени. Гибнетъ и геній Коко. Тогда онъ излѣчивается отъ страсти къ поэзіи и, счастливый отецъ семейства, отдается торговлѣ сѣменами. На такомъ незамысловатомъ узорѣ авторъ сумѣлъ блеснуть знаніемъ провинціальной жизни, наблюдательностью и богатствомъ языка.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ „новичкамъ", необходимо упомянуть о братьяхъ Маргеритъ; они, какъ извѣстно, заняты большимъ романомъ изъ эпохи 1870—71 гг., но между третьей и послѣдней его частями успѣли написать книжку „Le jardin du Roi". Романъ обязанъ своимъ заглавіемъ тому лишь обстоятельству, что дѣйствіе развивается въ версальскихъ садахъ, гдѣ нѣкогда блисталъ дворъ Людовика XVIII. Громкому заголовку не соотвѣтствуетъ скромный сюжетъ, сводящійся къ избитой исторіи о двухъ любящихъ сердцахъ. Среди новыхъ именъ можно отмѣтить и Эмиля Дельбукэ, автора „Le Mazareilh": это слово гасконское, и самый романъ написанъ на нравы той части южной Франціи, гдѣ живетъ мало достаточное и мало культурное крестьянское населеніе. Суевѣріе и безнравственность глубоко вкоренились въ ихъ бытъ. Религія у нихъ въ загонѣ. Фито, старшій сынъ арендатора, возвращается со службы на сѣверѣ больнымъ; ему грозитъ чахотка. Родной воздухъ оказываетъ благотворное вліяніе на его болѣзнь, и онъ понемногу оправляется, несмотря на то, что отецъ ему отказываетъ въ молокѣ: молока не хватаетъ и для телятъ. Напрасно было бы ожидать, что Фито хоть нѣсколько просвѣтился. Въ казармѣ онъ зналъ одну лишь лошадь и вернулся съ прежнимъ запасомъ безпросвѣтнаго суевѣрія. Сочтя одну старуху колдуньей, онъ, не задумываясь, стрѣляетъ въ нее, но такъ неудачно, что убиваетъ любимую дѣвушку, на которой старуха ему мѣшала жениться. Родители Фито поумирали; братья и одна сестра выселились; хозяйство пошло прахомъ, и Фито съ младшей сестрой, также не сумѣвшей устроить свою жизнь, пускаются странствовать по бѣлу свѣту. На этомъ кончается печальное повѣствованіе. Его главное достоинство—чрезвычайная реальность языка; порою кажется, что она записана дословно съ натуры.

Изъ парижской жизни.

Отозваніе графа Монтебелло изъ Петербурга, конечно, не прошло не замѣченнымъ и въ той части парижской прессы, которая занята политическими вопросами. Постарались раскрыть дѣйствительную или мнимую причину этой отставки, но не политическаго, а практическаго характера. Одинъ репортеръ ухитрился сѣсть въ Nord Express и еще на французской границѣ попасть, якобы по ошибкѣ, въ то отдѣленіе, гдѣ находился графъ Монтебелло и проинтервьюировать его. Показывая на собаку, лежавшую въ купе, графъ сказалъ: „Другъ болѣе вѣрный, чѣмъ нѣкоторые люди". При такомъ пессимистическомъ настроеніи Монтебелло, конечно, не могъ не жаловаться на забвеніе его важныхъ услугъ французскому правительству. Среди многочисленныхъ басенъ, порожденныхъ отозваніемъ Монтебелло, очень курьезна та версія, по которой весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за... шляпы графини Монтебелло. Разсказываютъ, что къ одному изъ торжественныхъ завтраковъ въ Компьенѣ графиня явилась въ шляпѣ и громко выражала изумленіе по поводу того, что жены министровъ обнаружили полное незнаніе этикета, не захвативъ съ собой шляпъ. Естественно, парижскія дамы не забыли этой выходки, особенно элегантная Вальдекъ-Руссо. Кстати припомнимъ, что дѣдъ Монтебелло былъ приказчикомъ въ красильной лавкѣ, а прадѣдъ—конюхъ. Что же касается самой графини, то ея отецъ былъ разбогатѣвшій фабрикантъ.

По этому же поводу противники аристократіи не безъ злорадства вспоминаютъ, что за тридцать лѣтъ, со времени основанія республики, аристократія не выставила ни одного сколько-нибудь выдающагося политическаго дѣятеля, писателя и ученаго. Во время Реставраціи и при „мѣщанскомъ королѣ" еще были Рене де-Шатобріанъ, графъ Альфредъ де-Виньи, де-Ламартинъ, де-Мюссе. Республика не знаетъ больше такихъ именъ, потому что Гюи де-Мопассана никто не причислитъ къ аристократамъ, а Мельхіора де-Вогюэ къ геніальнымъ писателямъ. Вотъ почему французская правительствующая партія быть можетъ и права въ своемъ стремленіи замѣщать отвѣтственныя должности людьми безъ громкихъ именъ, но энергичными и способными.

* * *

Еще не стихли сожалѣнія по поводу безвременной смерти Ванды де-Бонча, какъ ужъ пошлая дѣйствительность вступила въ свои права. Едва только забросали землей гробъ молодой артистки Французской комедіи, какъ судебный приставъ наложилъ печати на гардеробъ покойной, чтобы удовлетворить претензіи портного Пакена. Monsieur Пакенъ, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, неограниченный повелитель моднаго дамскаго свѣта, былъ болѣе чѣмъ кто-либо пораженъ смертью Ванды де-Бонча, задолжавшей ему болѣе ста тысячъ рублей. Чтобы спасти хоть часть этого долга, обиженный судьбою портной прибѣгъ къ благосклонному содѣйствію судебнаго пристава. По этому поводу другой корифей парижскаго портняжескаго цеха высказалъ слѣдующія глубокомысленныя соображенія о театральномъ мірѣ. „Мы, замѣтилъ онъ, между прочимъ,—не ведемъ никакихъ дѣлъ съ артистками, чтобы избѣгать претензій, жалобъ и процессовъ. Иногда дирекція театра еще соглашается оплатить счета артистки, въ услугахъ которой она нуждается. Но большинство директоровъ отказывается отвѣчать за траты артистокъ, ссылаясь на то, что по контрактамъ они обязаны давать имъ лишь „костюмы", а не современные модные туалеты, сколько бы ихъ ни требовалось по пьесѣ. Слѣдовательно, обшивать артистокъ—значитъ постоянно судиться, тѣмъ болѣе, что иныя питаютъ какую-то болѣзненную страсть къ сутяжничеству,—„готовы судиться изъ-за мелочи".

Хорошій дамскій портной долженъ избѣгать театральнаго міра; его лучшія заказчицы—дамы свѣта. Правда, и по ихъ счетамъ значится ежегодно около 20 процентовъ неоплаченныхъ, но все же онѣ даютъ крупный заработокъ. Съ другой стороны, онѣ вдохновляютъ портного своимъ вкусомъ и изобрѣтательностью. Ихъ наряды всегда выказываютъ всѣ свои достоинства при нормальномъ и равномѣрномъ освѣщеніи. Наоборотъ, свѣтъ рампы требуетъ яркихъ красокъ, бьющихъ эффектовъ; отсюда вытекаетъ необходимость нарушать гармонію цвѣтовъ въ угоду одному изъ нихъ. Актриса только и думаетъ о томъ: „эффектно ли мое платье, произвело ли оно сенсацію?" Искусство порабощено модой. Однажды, Дюма возмутился противъ одной артистки, безнадежно провалившей роль именно вслѣдствіе желанія похвастать платьемъ. Послѣ перваго акта драматургъ ворвался къ ней въ уборную: „Сударыня, закричалъ онъ, если вы будете и впредь говорить съ публикой не ртомъ, а платьемъ, я велю клакерамъ ошикать васъ". Дюма былъ всегда любезенъ съ дамами, но на этотъ разъ онъ не шутилъ.

„Когда мода подчиняется сценѣ,—закончилъ пророкъ портняжества, — рождается декадентство. Артистки никогда не бываютъ источникомъ вдохновенія для насъ, а развѣ только источникомъ неоплаченныхъ счетовъ". Такъ разсуждаютъ о театрѣ парижскіе портные. Что думаютъ по этому предмету ихъ петербургскіе коллеги?

Парижъ,
въ сентябрѣ 1902 г. **С.**

Изъ жизни Лондона.

Лондонскіе клубы.

Жизнь англійской столицы имѣетъ двѣ совершенно различныя стороны: внѣшнюю, показную, для иностранца, и внутреннюю. Оглушающій грохотъ, суета въ Сити, изысканность Гайдъ-Парка, роскошные магазины въ Regentstreed, рыбные рынки, подземная дорога, гигантскіе музеи, и Тоуэръ—вотъ что видитъ пріѣзжій. Внутренній бытъ Лондона остается для него тайной: онъ облеченъ въ формы клубной жизни, совершенно недоступной для чужого. А между тѣмъ, нигдѣ истинныя черты англійскаго характера не проявляются съ такой полнотой и рельефностью, какъ въ клубахъ, именно потому, что тамъ англичанинъ чувствуетъ себя какъ дома. Клубъ—это наиболѣе яркая особенность Лондона, его специфическое достояніе: въ самомъ дѣлѣ, даже самое слово не нашло себѣ перевода на другіе языки: въ русскомъ оно совершенно привилось, а французское „cercle" или нѣмецкое „Verein" не передаютъ главныхъ его оттѣнковъ. Ферейны, у насъ и заграницей, преслѣдуютъ обыкновенно практическія цѣли, „cercle" обнимаетъ понятіе о карточной или иной игрѣ, какъ неизбѣжной его принадлежности. Напротивъ, въ основаніи лондонскихъ клубовъ лежитъ идея именно отрѣшенія отъ частныхъ цѣлей идея покоя. Игра не имѣетъ въ нихъ серьезнаго значенія, въ иныхъ клубахъ и вовсе не въ обиходѣ, и только въ нѣсколькихъ спеціальныхъ поставлена на широкихъ началахъ.

При первомъ посѣщеніи Лондона, иностранецъ удивляется многимъ, по его взглядамъ, чудачествамъ англичанъ: они идутъ въ разрѣзъ съ традиціями континента, но при ближайшемъ изученіи лондонскаго быта обнаруживается изъ-подъ странной формы здравое и цѣлесообразное содержаніе. Чтобы съѣсть бифштексъ—надо зайти въ кафэ, гдѣ можно достать все что угодно, за исключеніемъ кофе. Кучеръ сидитъ не на козлахъ, а позади сѣдоковъ, на вышкѣ. Дама первая кланяется мужчинѣ. Но именно для женщинъ удобно зайти въ кондитерскую и поѣсть безъ стѣсненія, неизбѣжнаго въ большихъ ресторанахъ, наполненныхъ мужчинами; дама можетъ не замѣтить встрѣчнаго знакомаго, если онъ ей почему-либо непріятенъ; кучерамъ съ ихъ высокаго сидѣнья видна большая часть улицы. На обѣды и въ театръ лондонецъ одѣваетъ фракъ, это кажется смѣшнымъ; на самомъ же дѣлѣ, оно вызвано чисто мѣстными условіями: туманъ и копоть такъ портятъ платье и бѣлье, что полная перемѣна неизбѣжна, когда предстоитъ провести вечеръ не дома. Воскресенье—мертвый день, наводящій на пріѣзжаго уныніе, но пульсъ будничной жизни такъ силенъ и лихорадоченъ, что лондонецъ чувствуетъ физическую потребность „поваляться" на воскресномъ ложѣ, въ полномъ бездѣйствіи, и собрать силы для новой недѣли. Изъ того же источника проистекаетъ характерная особенность клубовъ и ихъ организація.

Иностранецъ не можетъ не удивиться тому обстоятельству, что въ Лондонѣ очень мало ресторановъ, какихъ множество въ Парижѣ и Берлинѣ. Есть ихъ, правда, на-перечетъ, нѣсколько роскошно обставленныхъ; но тамъ цѣны необыкновенно высоки, такъ что эти рестораны доступны лишь самымъ богатымъ людямъ. Въ короткій промежутокъ между окончаніемъ спектаклей и предѣльнымъ часомъ тамъ кипитъ элегантная и блестящая жизнь. Но обыкновенные рестораны малы, неуютны и закрываются очень рано. Къ тому же въ очень немногихъ изъ нихъ можно найти газеты.

Англичанинъ не охотникъ до кафе и пивныхъ. Онъ съ удовольствіемъ пойдетъ въ театръ или концертъ; если нѣтъ, останется дома. „Home" обставленъ всяческимъ комфортомъ; дома, въ кругу своихъ, можно шутить, играть, спорить; читать, такъ какъ подъ рукой кипа книгъ и журналовъ. Чужому труденъ доступъ въ семью: дѣйствительно, въ Лондонѣ столько пришлаго элемента, такой избытокъ искателей приключеній, что надо соблюдать величайшую осторожность въ выборѣ близкихъ знакомыхъ. Но разъ двери извѣстнаго дома открылись постороннему, онъ въ немъ будетъ принятъ, какъ родной.

Но трудно, конечно, открыть у себя пріемъ для всѣхъ добрыхъ знакомыхъ, тѣмъ болѣе при неимовѣрныхъ лондонскихъ концахъ, тормозящихъ самыя искреннія намѣренія свидѣться. Мужчины чувствуютъ потребность переговорить о политикѣ, о дѣлахъ и дѣлишкахъ; инымъ послѣ трудового дня нужно ѣхать изъ города въ окрестности, гдѣ живутъ ихъ семьи: является, такимъ образомъ, необходимость въ постоянномъ мѣстѣ для встрѣчъ и временнаго отдыха. Немного ресторана, читальни, биржи: все въ одномъ и томъ же - клубѣ. Клубъ—это продуктъ общаго желанія его членовъ и разрѣшеніе запросовъ каждаго изъ нихъ. Въ немъ лондонецъ не чувствуетъ себя одинокимъ, затеряннымъ: онъ въ толпѣ единомышленниковъ. Клубъ — среднее между домашнимъ очагомъ и улицей, соединительное звено между ними. Въ немъ незамѣтно участіе „хозяина"; каждый членъ самъ хозяинъ себѣ и того мѣста, на которомъ онъ стоитъ. Таковы именно большіе клубы; мелкіе, такъ называемые „закоулочные", ютятся въ наемныхъ помѣщеніяхъ и въ счетъ не идутъ.

Лучшія улицы Лондона заполнены

клубными зданіями; больше другихъ — „Pall-Mall“, невдалекѣ отъ дворца Мальборо, гдѣ живетъ наслѣдникъ престола; вдоль линіи „Sreen-Park“, по Трафальгарскому скверу и т. д. Каждый англичанинъ — индивидуаленъ. Точно такъ же и каждый клубъ въ Англіи имѣетъ свою природу и особенность. Оба наиболѣе значительныхъ политическихъ клуба помѣщаются близъ парламента: Націоналъ - Либеральный и Конституціонный; въ первомъ объединяются виги, во второмъ—тори. Въ настоящее время Либеральный клубъ насчитываетъ болѣе пяти тысячъ членовъ: депутатовъ, журналистовъ и вообще людей, близкихъ къ политикѣ. Огромныя залы, широкія тарассы, очаровательный видъ на Темзу и портъ — дѣлаютъ круглое зданіе однимъ изъ самыхъ красивыхъ въ Лондонѣ. Сливки аристократіи собираются въ Мальборо — клубъ; туда открытъ доступъ только высшей знати--родовитой и интеллектуальной. Такъ какъ нынѣшнее министерство принадлежитъ къ партіи тори, то въ Конституціонномъ клубѣ можно встрѣтить членовъ кабинета. Лорды, засѣдающіе въ палатѣ, предпочитаютъ клубъ св. Стефана. офицеры--военный и морской, ученые и литераторы - Атеней, а бывшіе воспитанники двухъ старѣйшихъ университетовъ — Оксфордъ и Кембриджскій клубы. Англичане, какъ извѣстно, страстно любятъ путешествовать; есть и спеціальный клубъ путешественниковъ; онъ напоминаетъ объ измышленіяхъ ЖюльВерна („Вокругъ свѣта въ 80 дней“), но по правдѣ, въ лондонскомъ клубѣ путешественниковъ затѣваются гораздо болѣе фантастическія предпріятія, нежели то, которымъ вдохновился французскій писатель.

На большихъ курскихъ маневрахъ.

1) На Курскомъ вокзалѣ, въ ожиданіи прибытія Его Императорскаго Величества. 2) Государь Императоръ обращается съ рѣчью къ представителямъ города и земства. 3) Его Императорское Величество Государь Императоръ въ общинѣ „Краснаго Креста“. 4) Министръ внутреннихъ дѣлъ ст.-секр. В. К. Плеве въ Курскѣ. 5) Министръ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ въ Курскѣ. 6) Штабъ московской арміи. 7) Губернаторскій домъ въ Курскѣ. 8) Община „Краснаго Креста“. 9) Группа сестеръ общины „Краснаго Креста“. 10) Иностранные военные агенты на курскихъ маневрахъ. 11) Группа волостныхъ старшинъ. 12) Группа городскихъ и земскихъ представителей съ хлѣбомъ-солью. 13) Его Императорское Величество Государь Императоръ слѣдуетъ вдоль улицы Курска. 14) Группа представителей крестьянъ.

Со снимковъ нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Членскіе взносы въ лондонскихъ клубахъ не слишкомъ велики, сравнительно съ удобствами, которыми пользуются члены и не низки, по сравненію съ нашими. Наименьшій взносъ — шестьдесятъ рублей въ годъ. Секретарь клуба, на которомъ лежитъ тяжелая обязанность всѣмъ угодить и всѣхъ ублажить, получаетъ жалованья до пяти тысячъ рублей.

Какъ уже сказано, англичанинъ въ клубѣ—дома. Усталый и запыленный послѣ дѣлового дня, онъ находитъ здѣсь все нужное для туалета, подкрѣпленіе силъ и отдыхъ: ванну, чистое платье и бѣлье, хранимое по желанію въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ, удобныя кресла и кушетки. Нерѣдко, видишь по утрамъ въ Сити лондонцевъ съ чемоданами: въ нихъ фракъ и весь нарядъ для вечера или театра; чемоданы завозятъ въ клубъ, чтобы вечеромъ извлечь изъ нихъ платье.

Въ самомъ же клубѣ всякій воленъ ходить въ любомъ платьѣ: обязательныхъ правилъ не существуетъ.

За внутреннимъ распорядкомъ присматриваетъ „manager“ — экономъ: онъ заботится о томъ, чтобы въ кладовыхъ и погребахъ не оскудѣвалъ запасъ винъ и продуктовъ. Ресторанъ имѣетъ ежедневное разнообразно составленное меню: цѣны очень умѣренны; вина также. Самая уютная комната—курительная (smoking-room); въ ней постоянно паритъ синее облачко, и не смолкаетъ живая бесѣда джентельменовъ, потонувшихъ въ тѣхъ удобныхъ креслахъ, какія изготовляются въ одной Англіи. Въ чи-

тальнѣ навалены сотни періодическихъ изданій англійскихъ и иностранныхъ; когда англичанинъ не работаетъ и не играетъ въ крикетъ, онъ охотнѣе всего—читаетъ. Библіотеки богато и умѣло составлены, соотвѣтственно характеру клуба. Наконецъ, игорныя комнаты съ билліардами, шахматами, столами для виста и пр. дополняютъ обстановку.

Въ клубахъ царитъ совершенная свобода. Приходятъ, уходятъ, сидятъ, лежатъ. Каждый думаетъ о себѣ. Здороваться нѣтъ надобности, развѣ съ хорошимъ знакомымъ. Посѣтитель всегда подыщетъ себѣ партнера, интересную тему и увлекательный споръ. Наскучило бесѣдовать—можно прилечь на кушетку и сладко подремать. Иные члены живутъ въ предмѣстьяхъ; послѣ ужина поздно возвращаться домой; при клубѣ есть спальныя комнаты, и за нѣсколько шиллинговъ ночлегъ обезпеченъ. Прислуга вышколена на-диво: безшумна, внимательна и вѣжлива. Счетовъ не ведется: за все платятъ наличными. Есть и пріемная: въ ней можно принять посторонняго по дѣлу.

Конечно, расходы по содержанію клуба такъ велики, что не покрываются членскими взносами, но средства клубовъ не оскудѣваютъ: ихъ охотно поддерживаетъ щедрая рука нѣкоторыхъ членовъ. Въ характерѣ англичанина не мало честолюбія. Послѣ двадцати лѣтъ упорнаго труда онъ не удалится, подобно французу, на покой — сытаго, жирѣющаго рантье. Онъ хочетъ играть роль въ обществѣ, въ парламентѣ и пр. Но это стоитъ денегъ, и большихъ: необходимо запастись поддержкой друзей, конечно, членовъ того или другого клуба; онъ пріобрѣтаетъ ее тѣмъ, что субсидируетъ самый клубъ. Политика—душа клубовъ. Министры, вожаки партій, высшіе правительственные чины посѣщаютъ клубы для того, чтобы дать направленіе умамъ, сговориться насчетъ плана кампаніи, взвѣсить исходъ выборовъ. Оттуда исходятъ рѣшенія, новыя политическія тенденціи, крылатыя слова; тамъ намѣчается курсъ дипломатическаго корабля.

Любопытно еще то обстоятельство, что въ зависимости отъ клуба складывается характеръ окружающихъ его улицъ. Вокругъ офицерскаго и морского клуба наилучшіе оружейные и военные магазины; противъ „путешественниковъ" картографическія заведенія, дорожныя бюро, страховыя конторы, и т. п.; заспорятъ-ли о чемъ, понадобится-ли справка, билетъ, полисъ—все подъ рукой.

Англичане могутъ похвастать своимъ гостепріимствомъ. Въ клубахъ оно находитъ яркое выраженіе. Хотя членами могутъ быть одни мужчины, но и дамамъ не вовсе закрытъ входъ. Въ опредѣленные дни и часы члены имѣютъ право вводить знакомыхъ дамъ на чашку чаю. Вообще же, членъ можетъ ввести въ клубъ знакомаго, занеся въ книгу его и свое имя. Такимъ образомъ, пріѣзжему, если онъ имѣетъ въ Лондонѣ знакомства, доступны всѣ прелести мѣстныхъ клубовъ.

Лондонъ,
въ сентябрѣ 1902 г. **В.**

Клака.

(Къ открытію театральнаго сезона).

Клаки у насъ, конечно, нѣтъ. Театральные директоры не слыхивали такого слова. Тамъ, на западѣ, она въ ходу; тамъ, говорятъ, есть клакеры, т. е наемные хлопальщики, но у насъ—пфуй! можно ли подозрѣвать, что-нибудь подобное! Это миѳъ, пошлая сплетня; спросите любого артиста; онъ вамъ разскажетъ, какъ спустилъ съ лѣстницы какого-то подлеца, который осмѣлился предложить свои услуги для поддержанія его сценическихъ фондовъ. И тѣмъ не менѣе, имѣлъ и имѣетъ успѣхъ, и какой!

Въ Парижѣ, несомнѣнно, существуетъ правильно организованная клака. Во Французскомъ театрѣ она работала восемнадцать лѣтъ подъ руководствомъ одного и того же начальника. Наконецъ, онъ почувствовалъ усталость и вышелъ въ отставку. Но пенсіи ему не дали: онъ не числился въ штатахъ. Но Боже мой! на двѣнадцатомъ году службы можно же чувствовать себя штатнымъ чиновникомъ, и по праву требовать, чтобы театръ, который ты наполнялъ трудами рукъ своихъ, теперь, изъ благодарности, наполнилъ бы твой желудокъ. Обиженный подалъ въ судъ. Итакъ, клака должна получить свое официальное признаніе въ судебныхъ актахъ. А судебные протоколы, какъ извѣстно не имѣютъ ничего общаго съ миѳологіей.

Но въ Парижѣ про клаку всѣ такъ же хорошо освѣдомлены, какъ и про газетную рекламу. Никого нельзя ввести въ заблужденіе. Что касается нашихъ нравовъ, то было бы очень наивно думать, будто клака должна быть исключительно платной! Напротивъ, самый безобидный видъ ея—это наемный. Есть другіе виды—такъ сказать, любительскаго пошиба, они-то и самые опасные. Вообще, клаку можно раздѣлить на пять видовъ: платная, артельная, литературная, родственная и поставщическая.

По безобидности, къ платной приближается и ея разновидность полуплатная: есть много у насъ молодыхъ людей, которые послѣ десятичасоваго сидѣнья въ конторахъ и канцеляріяхъ, съ восторгомъ лѣзутъ въ поднебесье, проникая по даровымъ билетамъ въ театральную залу,—и неистовствуютъ.— Они способны хлопать и опредѣленной личности – автору, исполнителю, режиссеру – или всѣмъ вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, они очень добросовѣстны, и уподобляются паровому молоту. Это аматеры рукоплесканья. Однако, не всегда въ нихъ глохнутъ эстетическія убѣжденія. Разсказываютъ, что нѣкій юнецъ, набившій мозоли на ладоняхъ въ одно изъ воскресеній, въ слѣдующее купилъ билетъ уже на кровныя деньги, и съ такимъ же рвеніемъ свисталъ той же пьесѣ. Большинство, впрочемъ, не вѣдаетъ, что творитъ, и является чисто механическимъ подспорьемъ постановки.

Гораздо опаснѣе артельная или кружковая клака. Есть въ столицахъ и большихъ губернскихъ городахъ такіе кружки, въ которыхъ не трудно распродать или роздать десятка три-четыре билетовъ, съ обязательствомъ поддержать N или X или провалить Игрека. Дружиной, плечо къ плечу, является артель въ театръ и производитъ такое давленіе на остальную публику и „на общественное мнѣніе", какъ любятъ выражаться критики, что реакція неизбѣжна: на слѣдующее утро въ газетахъ разгромъ, но артель свое дѣло сдѣлала: она спасла вечеръ, и учинила рекламу пьесѣ или артисту.

Еще страшнѣе литературные клакеры. Это уже не ремесленники, а фанатики, готовые ступать по трупамъ. Не соглашаться съ ними преступленіе, возражать—опасно во всѣхъ смыслахъ. Хотя бы авторитетъ изрекалъ несомнѣнный вздоръ, его поклонники и ученики жадно должны ловить каждое слово, какъ откровеніе! Попробуйте усомниться: васъ повергнутъ въ прахъ, затопчутъ, оглушатъ рукоплесканіями! Если сегодня пророка зовутъ Иваномъ,—то долой всѣхъ Петровъ! если Петромъ—подайте намъ одного его, а всѣхъ остальныхъ въ Лету! Къ счастью для человѣчества, существуетъ въ природѣ принципъ, нивеллирующій справедливость, и фанатизмъ имѣетъ свои предѣлы во времени и пространствѣ; его смѣняетъ реакція, потомъ снова безумное поклоненіе и т. д.

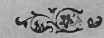
Послѣ промышленниковъ-эстетиковъ, надо поставить на третьемъ мѣстѣ единокровныхъ клакеровъ: родственниковъ, друзей, близкихъ, сосѣдей. Это гвардія, которая умираетъ, но не сдается. Нигдѣ въ мірѣ не проявляются такъ пылко дружба и родство, какъ въ театральной залѣ. Единокровные клакеры безкорыстны. Они лягутъ костьми за директора, режиссера, артиста; имъ безразлично, хороша-ли пьеса, дурна-ли,—отъ родного дяди до правнучатой племянницы, двоюроднаго брата, троюроднаго зятя,—они всѣ воодушевлены святымъ убѣжденіемъ, что единъ Аллахъ и его пророкъ, т. е. въ данномъ случаѣ, ихъ кумиръ, вокругъ котораго они безъ устали готовы плясать.

За родичами — поставщики. О!—это уже тонкая интрига! Ея нити не всякій распутаетъ. Напримѣръ, ставятъ новую пьесу съ „роскошною мебелью и новыми декораціями художника NN" и пр. Въ пьесѣ участвуютъ два хора военной музыки и двѣсти балетныхъ грацій будутъ танцовать въ пестрыхъ юбочкахъ, отдѣланныхъ „настоящими" кружевами. Денегъ не жалѣли; но, конечно, тому-другому не доплочено по тыщенкѣ. Нужно выручить дирекцію. „А ну-ка, молодцы, наведите лоску; уважьте хозяина". И съ верховъ низвергаются на изумленный, терроризованный партеръ дикіе вопли:

— Автора! автора!

Авторъ выходитъ; съ нимъ режиссеръ или директоръ... и бѣдные поставщики своими собственными ладонями выхлопали себѣ свои заработанныя денежки... Бываетъ, впрочемъ. и такъ, что и въ этомъ случаѣ, въ выигрышѣ остается одинъ лишь „директоръ". А хлопальщики остаются при красныхъ ладоняхъ или пиковомъ интересѣ.

Впрочемъ, у насъ, на Руси, конечно, клаки нѣтъ...

Знаменитые „неуспѣвающіе".

Исторія великихъ людей —учитъ насъ тому, что приговоръ школьныхъ учителей не есть еще окончательное рѣшеніе судьбы человѣка. По странной ироніи судьбы, очень часто изъ отъявленныхъ шалуновъ и лѣнтяевъ выходили полезные, передовые и даже геніальные члены общества. Дѣтская-ли натура такъ обманчива или педагоги не достаточно проницательны и изъ-за деревьевъ лѣса не видятъ, но мы легко можемъ назвать десятокъ именъ, иллюстрирующихъ такое ненормальное, на первый взглядъ, явленіе.

Начнемъ хотя бы съ Карла Линнэ (1707—1778). Родился онъ въ семьѣ шведскаго крестьянина; въ школѣ учился такъ плохо, что отецъ рѣшилъ отдать его въ выучку сапожнику. Но врачъ Роттманъ успѣлъ заинтересовать мальчика вещами, болѣе интересными, чѣмъ шило и колодки. Тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду Линнэ занялъ профессорскую каѳедру въ Упсальскомъ университетѣ: онъ былъ однимъ изъ лучшихъ врачей своего времени, боролся съ алкоголизмомъ, и указывая на микроорганизмы, какъ на источники заразительныхъ болѣзней, какъ бы предвосхитилъ открытія послѣдующаго вѣка. Онъ, между прочимъ, утверждалъ, что никакія войны не могутъ принести большаго урона человѣчеству, чѣмъ приносятъ эпидеміи. Какъ ботаникъ, онъ сдѣлалъ цѣнные вклады въ описаніе растеній и классифицировалъ ихъ. Линнэ прославился на весь міръ.

Знаменитый химикъ Либихъ былъ страшилищемъ дармштадтской школы: его ненавидѣли и боялись. Въ мастерской отца, занимавшагося изготовленіемъ ла-

ковъ и красокъ, мальчикъ присматривался къ незатѣйливымъ химическимъ операціямъ, и пристрастился тогда же къ химіи. Онъ таскалъ въ классъ разные препараты причемъ часто случались неріятные для учителей сюрпризы; однажды, напримѣръ, классная лампа оказалась наполненной какой-то подозрительной жидкостью и произошелъ взрывъ. Либихъ подвергся изгнанію изъ школы, какъ неисправимый, безнадежный юноша. Впослѣдствіи ученый самъ разсказывалъ, что не отличаясь способностями въ языкахъ, онъ разъ сообщилъ учителю о своемъ намѣреніи быть химикомъ и вызвалъ гомерическій хохотъ:—никто не могъ представить себѣ человѣка, исключительно занимающагося химіей. Знакомство съ Александромъ Гумбольдтомъ и важныя открытія, сдѣланныя еще въ молодые годы, помогли Либиху выдвинуться изъ рядовъ посредственностей, и занять видное мѣсто въ ученомъ мірѣ.

Карлъ Фохтъ, одинъ изъ столповъ зоологіи, былъ такъ плохъ въ гимназическихъ наукахъ, что на выпускномъ экзаменѣ не срѣзался благодаря лишь стараніямъ учителей избавиться отъ человѣка, „способнаго вогнать хоть кого въ чахотку".

Чарльзъ Дарвинъ также принадлежалъ къ „безнадежнымъ школярамъ". Отчаяніе въ учителяхъ вызывалъ и Бессель, знаменитый астрономъ, открытія котораго значительно расширили научные горизонты. Фридрихъ Листъ, одинъ изъ блестящихъ политико-экономовъ Германіи, въ двадцать семь лѣтъ читавшій уже лекціи по государственному праву, въ юношескіе годы не могъ одолѣть школьной мудрости; отецъ его мечталъ пристроить сына въ качествѣ писца, но и это плохо удавалось. Можно было бы привести еще не мало примѣровъ изъ біографій великихъ людей: только случай обнаруживалъ въ нихъ скрытыя способности и направлялъ на истинный путь, слѣдуя которому они оказывали человѣчеству неоцѣнимыя блага.

Эти примѣры должны бы многому научить нѣкоторыхъ педагоговъ...

ПЕРСИДСКІЙ ШАХЪ.

Пребываніе властителя Ирана въ Парижѣ, конечно, не давало спокойно уснуть репортерамъ, И, въ предѣлахъ возможнаго, парижскія газеты подѣлились съ читателями наиболѣе интересными подробностями изъ жизни персидскаго шаха и его двора.

Повсюду шахъ остается вѣренъ своимъ привычкамъ. Онъ встаетъ поздно и диктуетъ секретарю шифрованныя телеграммы, по наиболѣе важнымъ государственнымъ дѣламъ. Потомъ затягиваясь наргиле съ тончайшимъ персидскимъ табакомъ, слегка сдобреннымъ опіемъ, шахъ бесѣдуетъ съ великимъ визиремъ и другими министрами. Всѣ курятъ. Великій визирь имѣетъ исключительное право курить поперемѣнно съ шахомъ одну трубку. Послѣ завтрака, въ часъ дня, во дворцѣ царствуетъ тишина; всѣ спятъ, за исключеніемъ, развѣ, стражи.

Шахъ не чуждъ поэзіи. На этой почвѣ иногда возникаютъ курьезные инциденты. Не такъ давно шахъ пригласилъ придворныхъ поэтовъ ознакомиться съ его новымъ произведеніемъ и высказать свою оцѣнку. „Хотя и страшусь прогнѣвить ваше величество, сказалъ одинъ изъ приглашенныхъ, но долженъ сознаться, что это произведеніе меньше всего походитъ на поэзію". Шахъ былъ взбѣшенъ и крикнулъ слугамъ: „Отведите этого осла въ конюшню!" Но когда гнѣвъ прошелъ, царственный поэтъ велѣлъ призвать критика обратно и прочелъ ему еще другое стихотвореніе. Ничего не говоря, поэтъ всталъ и собрался уходить. „Куда ты?" спросилъ его шахъ — „Въ конюшню". Огорченіе не помѣшало неудачному стихотворцу весело посмѣяться остроумной выходкѣ зоила. Въ видѣ анекдота этотъ случай переданъ былъ въ одномъ изъ юмористическихъ журналовъ.

Американскій изслѣдователь Пери, вернувшійся изъ путешествія къ сѣверному полюсу.

Въ Парижѣ шаху не удалось занять „царской комнаты" Елисейскаго отеля: она была уже заказана американскимъ золотопромышленникомъ Вальшемъ. По словамъ одной парижской газеты, мистеръ Вальшъ, постоянно останавливается въ этой же гостиницѣ и во время всемірной выставки 1900 года прожилъ въ ней девять мѣсяцевъ съ женой, дѣтьми и племянникомъ. Недѣльный счетъ его равнялся обыкновенно десяти тысячамъ рублей. Когда же лѣтомъ текущаго года онъ посѣтилъ Парижъ и нашелъ обычное свое помѣщеніе занятымъ главой китайской миссіи, то пришелъ въ неописуемый гнѣвъ и, отказавшись отъ другихъ комнатъ, съ досады покатилъ въ Виши.

На вопросъ дирекціи отеля, можно-ли сдать помѣщеніе шаху, милліонеръ отвѣтилъ лаконической телеграммой: „Мои деньги не хуже, чѣмъ у царя царей; не согласенъ". Въ теченіе пяти недѣль „царскія комнаты" ожидаютъ жильца, и отель получаетъ за нихъ полтораста рублей въ день. Мистеръ Вальшъ, кстати сказать, былъ, въ дни оны, простымъ рудокопомъ, но счастье ему улыбнулось необыкновенно привѣтливо, и теперь онъ одинъ изъ богатѣйшихъ золотопромышленниковъ Новаго Свѣта.

Среди другихъ анекдотовъ о шахѣ „Matin" разсказываетъ слѣдующее: „страдая отъ сильной зубной боли, шахъ велѣлъ пригласить дантиста, чтобы удалить зубъ. Но одинъ видъ инструментовъ повліялъ на него такъ благотворно, что боль утихла. Тѣмъ не менѣе, заинтересовавшись операціей удаленія зуба, шахъ предложилъ дантисту выполнить ее на одномъ изъ членовъ свиты. Перспектива никого изъ персовъ не соблазнила, и когда шахъ оглянулся, то увидѣлъ, что въ комнатѣ остался одинъ лишь великій визирь. Послѣдній поспѣшилъ заявить, что у него обѣ челюсти въ идеальномъ состояніи. „Интересный опытъ" пришлось отложить на неопредѣленное время".

Изъ жизни Вирхова.

Жена одного извѣстнаго лондонскаго художника сообщаетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Р. Вирховымъ, которое сопровождалось довольно курьезными обстоятельствами. Наканунѣ франко-прусской войны, разсказчица, — тогда еще юная, балованная и очень хорошенькая барышня, — поселилась въ Берлинѣ, въ домѣ нѣкоего профессора, ради изученія нѣмецкаго языка. Профессорша послѣ нѣсколькихъ уроковъ принуждена была прервать занятія, такъ какъ въ столицу стали стекаться транспорты больныхъ и раненыхъ солдатъ; чувствовалась нужда въ искусныхъ и опытныхъ сидѣлкахъ. Однажды профессорша сама захворала, и не могла идти въ лазаретъ. Англичанкѣ приш-

Къ кончинѣ Рудольфа Вирхова. — Берлинскіе студенты отдаютъ послѣднія почести своему знаменитому учителю.

Протоіерей А. А. Ставровскій.

Къ сорокалѣтію службы въ священническомъ санѣ.

Съ фотографіи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

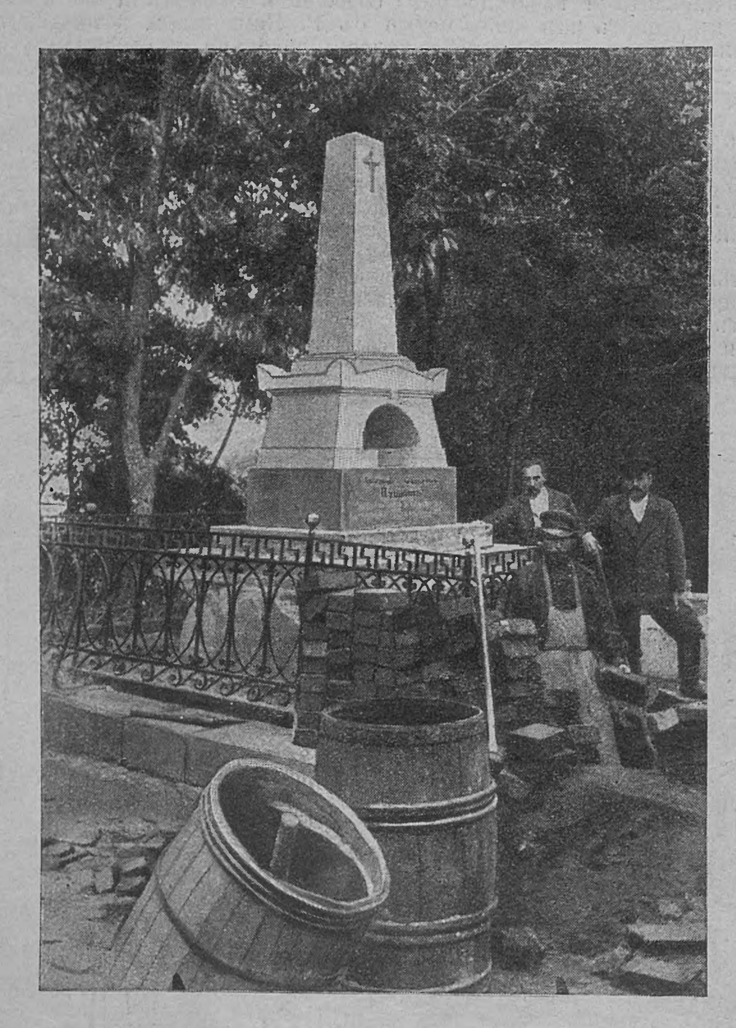
Разбитый почтовый вагонъ, въ которомъ перевозились и крупныя деньги.

Къ крушенію на Варшавской ж. д. 6-го сентября.

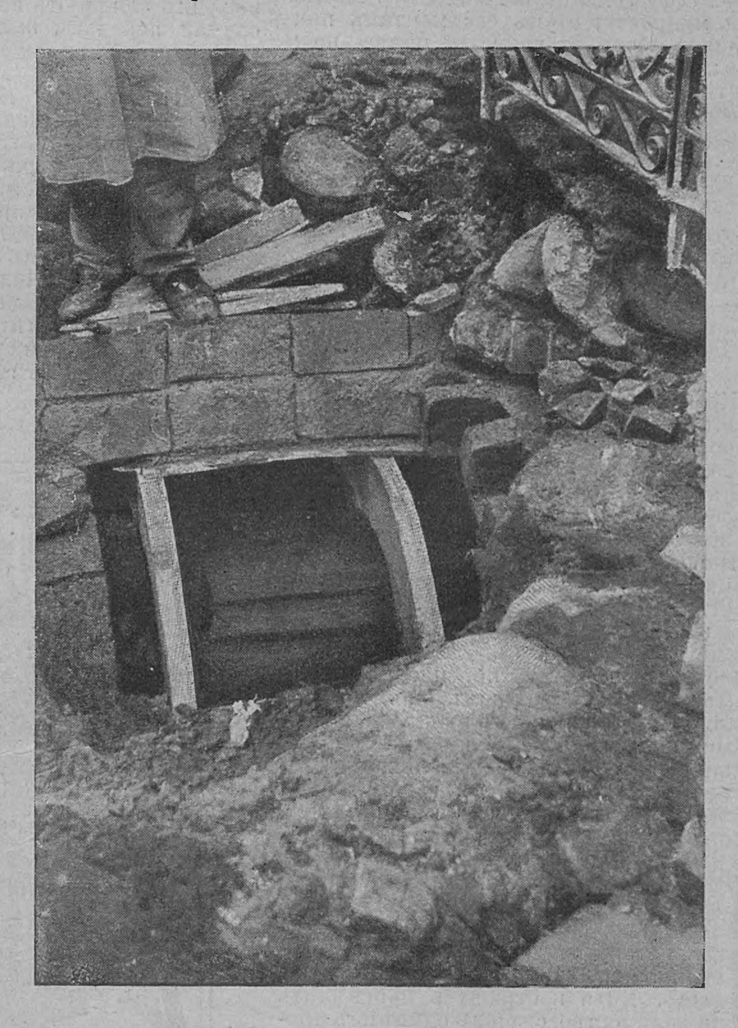
(См. № „Биржевыхъ Вѣдомостей“ отъ 7 и 8 сентября).

Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“

ла мысль замѣнить свою наставницу; она стала упрашивать ее объ этомъ. Конечно, профессорша посмѣялась отъ души: трудно было представить себѣ элегантную дѣвочку въ роли сидѣлки солдатскаго лазарета. Однако, англичанка настояла на своемъ, разодѣлась въ пухъ, украсила голову модной шляпой съ страусовыми перьями, и отправилась. Первый, кого она встрѣтила, былъ Вирховъ: завѣшанный бѣлымъ передникомъ, въ бархатной ермолкѣ, онъ обходилъ палаты; за нимъ ассистентъ несъ ящикъ съ инструментами. — „Вамъ что?“. — спросилъ знаменитый ученый очень невѣжливо. На ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ дѣвица объяснилась. — „Эта крошка хочетъ въ сидѣлки!“ воскликнулъ Вирховъ и расхохотался. — „Ступайте-ка лучше домой, да засядьте за нѣмецкій языкъ, а то у васъ больше ошибокъ, чѣмъ словъ“. Но дѣвушка стояла на своемъ. Тогда Вирховъ ей предложилъ отправиться на кухню и заняться чисткой картофеля, вмѣстѣ съ другими дамами. Англичанка смутилась и отозвалась незнаніемъ кухонной работы. — „О, это вовсе не трудно!“ — сказалъ Вирховъ, и, пригласивъ ее слѣдовать за собой, самъ спустился въ кухню, выбралъ картофель и къ величайшему изумленію присутствовавшихъ, принялся его чистить. Съ картофелемъ ученый справился мастерски: поднявъ на кончикѣ ножа безупречно правильно срѣзанную кожицу, Вирховъ сказалъ: „Ступайте домой, скиньте вашъ нарядъ, да приходите скорѣе назадъ; эти дамы, что работаютъ здѣсь, такъ же полезны намъ, какъ и сидѣлки“.

Памятникъ на разрытой могилѣ А. С. Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ.

Открытая могила А. С. Пушкина.

Съ фотографіи барона Г. В. Розена, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“. (Пріобрѣтено право художественной собственности).

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Пропперъ.